

ПРИНЦИП КОМПОЗИЦИОННОСТИ И СЕМАНТИКА ЯЗЫКА

С. Т. ЗОЛЯН

Под композиционной семантикой мы понимаем семантику, основывающуюся на так называемом принципе композиционности Г Фреге, согласно которому **смысл** сложного языкового выражения есть функция от **смыслов** элементарных языковых выражений. Хотя сам Г Фреге указывал на то, что **значение** целого не всегда вычислимо по значению его частей, тем не менее в дальнейшем в теории Р. Карнапа, а затем А. Черча семантическая теория строится так, что, говоря словами Ю. С. Степанова, «интенциональная сфера как бы копируется по образцу предметной, или экстенциональной, сферы»¹.

Пока мы остаемся в сфере общесемантических представлений, принцип композиционности, на котором основывается логическая семантика, сомнений вызвать не может. Другое дело—собственно лингвистическая семантика. Уже стало общим местом говорить о том, что принцип композиционности к лингвистической семантике неприменим, ибо в языке значение целого не совпадает с суммой его составляющих. Поэтому имеет смысл разобраться в обоснованности тех возражений, которые вызывает принцип композиционности.

В логической семантике, в том числе и в ее приложениях к естественному языку, принцип композиционности относится к конструированию семантических объектов, ибо сама семантика конструктивна и определяется всецело задаваемыми операциями. Поэтому если окажется, что семантика результирующего выражения не вычислима, то есть не определяется как результат приложения задаваемых операций к исходным выражениям, то это может значить лишь то, что сами операции неверно определены. Однако естественно-языковые выражения, в отличие от выражений формальных языков, уже исходно семантизированы, поэтому конструирование и семантизация никак не могут выступать независимо друг от друга. Но это не значит, что семантику сложного выражения нельзя представить как функцию от семантики ее составляющих. Другое дело, что эта функция не может считаться заданной наперед, безотносительно к ее аргументам.

Само сочетание «композиционная семантика» в последнее время стало довольно привычным. Вполне естественно, что о композиционной семантике в первую очередь говорят при логическом анализе естественного языка. Приведем определение Д. Льюиза не потому что оно отличается особой оригинальностью, а потому, что дублирование «правил значения» «правилами смысла» доведено в его концепции до предела: экстенсии и интенсии выводятся им из более общего понятия «тенсии», причем принимается, что если языковое выражение имеет интенсию в интенциональном языке, то оно также имеет экстенсию в языке экстенциональном. При этом «все композиционные семантические правила интенционального языка задаются простой схе-

¹ Ю. С. Степанов. Имена, предикаты, предложения. М., 1981, с. 216.

мой: если α есть выражение категории X/Y с интенсией A, а β принадлежит категории Y с интенсией B, тогда результат соединения α и β будет принадлежать к категории X с интенсией A(B), являющейся значением функции A при аргументе B»².

Сам термин «композиционная семантика» представляется нам удачнее более привычных обозначений типа «семантический синтаксис», «синтаксис смыслов». Последние акцентируют теснейшую связь и зависимость семантики от синтаксиса, причем синтаксиса не в общесемiotическом понимании, а лингвистическом. Это, безусловно, так: сочетание смыслов/значений осуществляется в соответствии с категориальными/синтаксическими характеристиками означающих их выражений. Но прямолинейное следование такому представлению часто приводит к трудностям как технического, так и сущностного характера. Именно эти трудности и заставляют обычно вообще отказываться от принципа композиционности. Но подобные случаи требуют отказа не от принципа композиционности, а от упрощенного взгляда на композиционные правила естественной языковой семантики. Ведь синтаксис—это «техника семантики», а не ее точнейший аналог.

Теперь о тех уточнениях, которые требует приложение принципа композиционности к естественному языку. Само по себе утверждение того, что целое определяется частями (равно как и обратное—что части определяются целым) является общеметодологическим постулатом и его приложимость к естественному языку сомнений вызвать не может. Но, видимо, следует отказаться от характерного для *общей* семантики требования однозначности для результата объединения частей в целое. Оно представляется слишком сильным для естественных языков, свидетельством чему—многочисленные примеры неоднозначности составных выражений. Что же касается поэтических выражений, многозначность которых носит принципиальный характер, то принцип композиционности приобретает следующий характер: **множество** смыслов/значений составного выражения определяется множеством смыслов/значений составляющих его выражений. И именно эта формулировка в определенной мере оказывается ближе к языковой реальности, чем принцип композиционности в его чистом виде.

Рассмотрим возможное описание такого прилагательного, как «мнимый». Выбор этого прилагательного не случаен. Оно кочует из одной работы в другую, ибо весьма наглядно показывает нарушение принципа композиционности и принципа экстенциональности. Ведь если белая стена—это объект, который является стеной и который является белым, то мнимый больной—это вовсе не объект, который является больным и который является мнимым. Здесь мы приходим к парадоксу: с одной стороны, семантика сочетания «мнимый больной» никак не выводима из семантики слов «мнимый» и «больной»; с другой—зная значение составляющих, носитель языка, конечно же, поймет любое сочетание подобного типа. И дело не в аномальности данного прилагательного, а в необходимости уточнения условий приложения принципа композиционности к семантике ЕЯ.

Прилагательное принято описывать как выражение категории N/N: как функцию, образующую из имени новое имя. Семантически же—поскольку имя нарицательное определяется как функция от миров и контекстов к множествам объектов—прилагательное предстает как функция от исходного, соответствующего имени N_1 множества к множеству, соответствующему новообразованному имени N_2 . Или же—смысл/значение прилагательного есть отношение между смыслами/значениями N_1 и N_2 .

При таком подходе не является существенным то, что множество,

² D. Lewis. Philosophical papers. v. I N. Y.—Oxford, 1983, p. 251.

соответствующее имени N при одних аргументах окажется подмножеством N_1 , а при других—нет. Например, множество мнимых чисел является подмножеством чисел, но множество мнимых больших не является подмножеством больших. Оба имени, исходное и производное, суть «функции от индексов к множествам» (Д. Льюиз), прилагательное—функция от одного множества к другому, а что представляют собой эти множества—это, говоря словами Р. Томазона, проблема «лексикографии». Ведь, согласно этому подходу, «следует отличать проблемы семантической теории от проблем лексикографии... Основная задача семантики—объяснить, как значения фраз зависят от значений их составляющих. Но мы не можем ожидать от семантической теории, чтобы она объяснила, каким образом два любых выражения, принадлежащих к одной и той же синтаксической категории, различаются по значению... Это вопрос приложения, а не вопрос теории»³. Однако с позиций лексикографа, да и, пожалуй, любого говорящего приведенное решение неудовлетворительно хотя бы потому, что оно не «объясняет, как значения фраз зависят от значений их составляющих». Логический принцип композиционности, проявляющийся в линейном связывании, конкатенации интенционалов различных синтаксических категорий, «работает» до определенного предела—до тех пор, пока задачи семантика-логика и семантика-лексикографа совпадают: пока определяются не сами значения, а типы значений. До этого предела вполне удовлетворительным является характерное для грамматики типа грамматики Р. Монтегю решение, которое содержится у Д. Льюиза. Д. Льюиз подробно разбирает семантику прилагательного «мнимый» и предлагает следующее решение. Он вводит понятие «композиционального интенционала»—интенционала производной категории. Его аргументами являются интенционалы составляющих, а значением функции—результат конкатенации, точнее, новый интенционал, принадлежащий к той же синтаксической категории s_n , что и последний аргумент s_n с интенционалом φ_n . Иными словами, интенционал производного выражения есть функция, соотносящая φ_n и φ_0 и преобразующая $\varphi_1... \varphi_n$ в φ_0 ($\varphi_1... \varphi_n$).

Исходя из этого интенционал прилагательного определяется как «любая функция от множества интенционалов общих имен к множеству интенционалов **новых** (подчеркнуто нами—С. З.) общих имен. Так, интенционал прилагательного «мнимый»—это функция, которая, если сделать ее аргументами интенционалы таких общих имен, как «демократ», «ветровое стекло», «белка» и т. д.—выдаст соответственно интенционалы составного общего имени: «мнимый демократ», «мнимая белка», «мнимое ветровое стекло»⁴.

С этой точки зрения, рассматривающей семантику прилагательного как отношение (=правила преобразования) между двумя множествами, действительно, совершенно несущественно, что множество, каким-то образом задаваемое «новым» именем, не является подмножеством, задаваемым «первым» именем. Оба имени, исходное и производное, суть «функции от индексов к множествам».

Однако с позиций «лексикографа» предложенное решение недостаточно. Во-первых, неудовлетворительным представляется рассматривать сочетания типа «мнимый больной» как новое слово, идному, как, скажем, слово «симулянт». Даже если эти «имена» экстенционально тождественны, тем не менее в языке они функционируют по-разному и предполагают различные стратегии понимания. Грубо говоря, знать значение слова «симулянт»—это, в первую очередь, знать, к какому классу объектов оно применимо. Знать значение сочетания «мни-

³ R. Thomason, Introduction.—in: Montague R. Formal philosophy New Haven, L., 1974, p. 48—49.

⁴ Д. Льюиз. Общая семантика. В кн.: Семантика. М., 1983, с. 263.

мый больной»—это, в первую очередь, знать, как из сочетания двух слов возникает новое значение, пусть даже полностью совпадающее со значением слова «симулянт». В первом случае действует то, что называют «семантическим правилом языка» или «функцией приписывания в языке», во втором—правила композиционной семантики.

Во-вторых, лексикограф не удовлетворит такая экспликация семантики слова «мнимый», при которой она не отличима от семантики любого другого прилагательного. Более того, лексикограф, вероятно, потребует, чтобы композиционные правила для данного прилагательного варьировались в зависимости от аргумента: он укажет, что в контекстах «—демократ», «—белка» и т. п. прилагательное «мнимый» употреблено в различных значениях.

Композиционные правила для прилагательного «мнимый» должны иметь несколько иной вид. Словарное толкование сразу не показывает, почему экстенционал, принимаемое функцией значение, не входит в экстенционал аргумента, т. е., почему мнимый демократ—это не демократ. По данным БАС-а и МАС-а, у этого слова два значения: 1. Не существующий в действительности, воображаемый, кажущийся; 2. Настоящий, ложный, притворный. Но толкование не снимает проблемы: ведь если мы заменим слово «мнимый» на любое из его толкований, то мы столкнемся с той же «трудностью»—мнимый демократ—это вовсе не тот демократ, который не существует в действительности или же который ложный и г. д. Дело не в аномальности семантики слова «мнимый», а в наличии особых композиционных правил, которым, кстати, подчиняются и другие, приведенные как толкования, прилагательные.

Эти правила должны отразить обычное понимание подобных выражений. Называя некоторый объект А мнимым Х-ом, мы вовсе не имеем в виду, что А является мнимым объектом; мы имеем в виду, что А не принадлежит к классу Х. Иными словами, выражение «мнимый» есть оператор, отрицающий принадлежность А к классу (множеству) Х. Если А—мнимый больной, то тем самым А—не больной.

Но семантика слова «мнимый» не сводится к семантике обычного негатора. Так, в нашем примере содержится еще и мысль о том, что А, хотя и не является больным, но выдает себя за больного, делает так, чтобы другие считали его больным, причем, возможно, А искренне считает себя больным. Как видим, описание принимаемого функцией значения при аргументе «больной» требует привлечения ряда факторов, отсутствующих и у аргумента, и у самой функции. В частности, требуется отразить точку зрения говорящего, точку зрения самого А, понятие каузации и оператор отрицания. В общем виде семантика прилагательного предстанет как функция от значения выражения «Х» к значению выражения «мнимый Х», которая определена, когда имеют место следующие условия:

1. А каузирует, чтобы В думал, что С—член класса Х.
2. Возможно, А считает, что С—член класса Х.
3. В считает, что неверно, что С—член класса Х.

Условия 1—2 явятся пресуппозициями для высказывания: (В говорит): С—мнимый Х; если «С»—имя одушевленное, то возможно совпадение А и С.

Такое описание, выполненное то ли в духе Ч. Филлмора, то ли в стиле А. Вежбицкой, по сути, отрицает принцип композиционности. Не описывается таким способом и сочетание «мнимое число», которое, впрочем, в словарях приводится как связанное.

Возможно, однако, предположить и более экономное описание, совмещающее приведенное «пропозициональное» описание с композиционным. Правда, такое решение связано с определенным пересмотром исходных предпосылок. Оно основывается на том очевидном положении, что если некоторый объект С называется «мнимым Х-ом», то должны иметься некоторые, пусть и неадекватные, основания для вклю-

чения *С* в класс *X*. Множество объектов, обозначаемых выражением «*X*», не обязательно совпадает с множеством объектов, являющихся *X*-ами. Это напоминает известное разграничение «референции говорящего» и «семантической референции»⁵, с тем лишь уточнением, что «неадекватная» референция говорящего также считается нами лингвистическим, семантическим, а не прагматическим фактором. Можно считать, что выражение «*X*» приложимо как к объектам, обладающим сущностными свойствами (множество *X*₁, «истинные *X*»), так и не обладающими сущностными, но обладающими случайными свойствами, множество *X*₂, «мнимые *X*»). Какие свойства являются сущностными, а какие—случайные,— вопрос уже не лингвистического, а конкретно-научного характера: можно, вслед за *X. Пейнэмом* предположить, что в обществе происходит «разделение семантического труда» и наличие экспертов, умеющих отличить, скажем, настоящего больного от мнимого, делает это различие семантическим и значимым для всего языкового коллектива.

Семантика прилагательного «мнимый» предстает как такая операция над аргументом «*X*», которая отрицает у объекта, именуемого выражением «мнимый *X*», наличие сущностных свойств класса *X*, не распространяясь на случайные свойства. Обозначаемое выражением «мнимый» свойство—это 1) свойство не иметь сущностных свойств и 2) свойство иметь несущественные, случайные свойства. Два свойства обусловлены одной операцией: особенностью оператора «мнимый» следует считать и то, что он не воздействует на зону случайных свойств, и то, что он изменяет существенные для включения в класс свойства на существенные для невключения в класс. Ведь мнимый больной—это не просто здоровый человек, но и такой здоровый, который обладает несущественными свойствами больного, и, одновременно, такой, что обладает свойствами, препятствующими его включению в класс больных. Разумеется, в конкретных случаях может акцентироваться либо первое (не иметь сущностных свойств), либо второе (иметь случайные свойства), поэтому и в словарях оба компонента выделены как различные значения. Это вполне обосновано, хотя можно говорить и о единой семантике выражения «мнимый», заключающейся в единой операции над семантикой выражения-аргумента. То, что операция, задающая оба свойства, одна, становится очевидным в тех случаях, когда случайные свойства класса не определены или принципиально не определены (например, для абстрактных объектов). В таких случаях семантика прилагательного сводится только к первому компоненту, а применительно к терминам, обозначающим конструктивно задаваемые объекты—отрицанию самого существования объекта (например: мнимый квадрат и т. д. Не противоречит этому и сочетание «мнимое число»—оно, как указывается в БСЭ, возникло тогда, когда отсутствовало истинное понимание природы чисел, т. е. еще не были выделены сущностные, определяющие класс чисел, свойства).

Сама возможность сочетания типа «мнимый *X*» и «настоящий *X*» показывает, что немаркированное имя «*X*» может служить для обозначения множества объектов, не все из которых являются *X*-ами. В этом отношении прилагательные «мнимый» и «настоящий», как и их эквиваленты, воплощают в своей семантике конфликт между двумя ведущими подходами к семантике имени—между логико-лингвистической, «интенциональной», семантикой и психолингвистической, «стереотипной»⁶.

⁵ См.: *S. Kripke*. Speaker's reference and semantic reference.—In: Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.

⁶ См.: *J. Katz*. The neoclassical theory of reference.—In: Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979; *J. M. Moravcsic*. How do Words get their meaning?—In: journal of philosophy, 1981, v. 78, n. 1; *P. N. Johnson-Saïrd*. For-

Согласно первой, значением имени является только и только его правильное приложение к объектам, обеспечиваемое внелингвистическим интенционалом имени и не зависящее от реальной способности говорящего «правильно» употреблять имя. Интенционал имени однозначно определяет его экстенционал, хотя говорящим этот интенционал принципиально не может быть известен⁷. Согласно второй, значение устанавливается говорящим на основе некоторых ментальных образов, стереотипов. Первая семантика—это семантика для некоторого всеведущего, идеального носителя языка, знающего сущность любого явления, т. е., говоря словами Б. Х. Парти, «Господа Бога, говори он по-английски». Вторая семантика связана с эмпирическими, неточными и нестрогими представлениями обычного носителя языка.

В реальном функционировании языка семантика имени, как убедительно было показано рядом опытов, определяется привычными стереотипами (прототипами—по Э. Рош), а последние же, конечно, имеют «нечеткую», «размытую» природу и на их основе однозначное задание экстенционала невозможно. Стереотипы, в отличие от интенционалов, зачастую основываются не на сущностных, а на случайных свойствах объекта, поэтому интенциональная «правильность» приложения имени уступает место стереотипной «привычности» употребления имени.

Но вместе с тем нельзя игнорировать и стремление говорящих к точности, к «правильности», что обуславливает переход от стереотипных, внешних свойств объекта к его внутренним, интенциональным. Множество, обозначаемое именем «Х», расчленяется—на истинные Х, и мнимые, хоть и названные выражением «Х», но интенционально не являющиеся Х-ами. Употребляя выражения «мнимый Х» и «настоящий Х», говорящий как бы встает на позицию всеведущего наблюдателя.

Употребление выражений типа «подлинный», «истинный», «настоящий», «в самом деле» и т. п. также подтверждает расслоение семантики имени на две зоны—стереотипную и интенциональную, а множества именуемых объектов—на два подмножества, «сущностное» и «случайное». Так, выражение «подлинный Тициан» предполагает существование неподлинных Тицианов. Выражение «Х—настоящий герой» содержит новую информацию сравнительно с «Х—герой», чего не могло бы иметь место, если бы выделяемое именем «герой» множество включало только «правильно» именованные объекты. При этом данный Х может не обладать внешними, стереотипными свойствами героя—тогда еще более явным делается акцентируемый переход от стереотипной семантики имени к интенциональной. Делая утверждение «Х—настоящий герой», говорящий как бы присваивает себе способность и всеведущего наблюдателя: значение о внутренних сущностных свойствах объекта и об интенционале имени.

При этом связь между номинацией и выделением сущностных свойств противоположна соответствующей связи, характерной для прилагательного «мнимый». Выражение «мнимый Х» осмысленно тогда, когда данный объект называли до этого или же могли назвать именем «Х». Эпитет же «настоящий Х» приложим к объектам, которые, скорее всего, не называли именем «Х». Поэтому в ряде случаев этот эпитет прилагается к объектам, которые в минимальной мере удовлетворяют интенционалу имени. Если выражение «настоящий герой» усиливает «геронческое», то такое выражение, как «настоящая война», ослабляет «военное». Никому не придет в голову сказать о Великой Отечествен-

mal semantics and psychology of meaning.—In: Processes, beliefs and questions. Dordrecht, 1982; В. Н. Partee. Belief-sentences and the limits of semantics.—там же.

⁷ Ср.: Ю. С. Степанов. Об одной платоновской идее в современной лингвистике.—В кн.: Античная культура и современная наука. М., 1985.

ной, что это была «настоящая война», тогда как вполне возможны: «В Бейруте идет настоящая война»; «Между монополиями развернулась настоящая война». Эпитет «настоящий» может ослаблять свойство, обозначаемое именем. Коммуникативная презумпция употребления такова: данный объект удовлетворяет (минимальным) интенциональным требованиям имени «X», хотя, возможно, данный объект до этого не называли именем «X», ибо он не удовлетворяет стереотипам, ассоциируемым с данным именем. Еще более полемичен такой эпитет, как «самый настоящий» — о некотором объекте можно сказать «самый настоящий», если только данный объект не принято называть именем «X».

Так мы приходим к выводу, что в общем виде композиционная семантика прилагательного «мнимый», подобно семантике других прилагательных, есть функция от множества, задаваемого исходным именем «X», к его определенному подмножеству, задаваемому производным именем «мнимый X». Однако при этом следует предположить, что не все объекты, именованные именем «X», именованы «правильно», т. е. удовлетворяют интенционалу имени «X». Прилагательное «мнимый» есть функция только к стереотипному, не задаваемому интенционалом исходного имени, подмножеству.

Дальнейшие уточнения связаны с тем, что в зависимости от аргумента, т. е. в зависимости от семантического типа исходного имени, видоизменяется и сама функция, т. е. прилагательное «мнимый» используется в различных значениях. Оно есть отношение, но «привязанное» к тому или иному типу аргумента. Семантика аргумента предопределяет его разбиение на интенциональную и стереотипную зоны, а это, в свою очередь, предопределяет характер отношения (функции) между исходным множеством и его стереотипным, но не интенциональным подмножеством.

Так, если «X» — имя собственное, выделяющее единичный объект, то основанием для выделения «много X-а» может быть только предшествующая неправильная номинация. При этом выражение «мнимый X» само функционирует как имя собственное («Псевдо-Дионисий Ареопагит»). Воспроизведение первичного именования и указание на его неправильность — наиболее общий и потому контекстно не обусловленный признак употребления прилагательного. Прилагательное «мнимый» может и применительно к именам нарицательным выступать как средство обозначить объект, «правильное» имя которого неизвестно.

Для имен, характеризующих лицо по профессии, роду занятий, поведению и т. п., отношение цитации может осложняться отношением подобия. «Мнимый X» — это тот объект, который похож на X, ведет себя, как X, выдает себя за X (в последнем случае очевидной оказывается связь отношения подобия с отношением цитации: выдавать себя за X можно, если только прямо или косвенно называть себя именем «X»). Но подобие затрагивает только случайные, а не существенные свойства, поэтому оно предполагает одновременно и свое отрицание — ср. различие между «мнимый артист» и «настоящий артист», когда известно, что тот, о котором говорят, не является артистом по профессии. Мнимый артист₁ может быть как раз-таки и настоящим артистом₂ — интенциональным свойством имени «артист₁» является нечто вроде «лицо, обладающее профессией артиста», и именно это подвергается отрицанию.

Что касается «артиста₂», то это имя, характеризующее лицо по его свойствам, характеру и т. п. Такие имена тяготеют к предикативной позиции и часто содержат оценку. Следует заметить, что: 1) «мнимый» также приобретает оценку, почему и сочетается, как правило, с именами положительной, а не отрицательной оценки (ср.: «мнимый благодетель» при аномальности: «мнимый злодей»). 2) Семантика таких имен определяется, видимо, стереотипами. Поэтому производное имя, скажем, «мнимый благодетель», оказывается тем новым именем, кото-

рое создает отсутствовавшее в исходном множестве разграничение между интенциональным и стереотипным подмножествами. Прилагательное функционирует аналогично словообразовательной частице «не». Оба указанных случая объясняются доминирующей в подобных сочетаниях ролью отношения «отрицание».

Примерно тот же спектр значений, зависящих от типа аргумента и определяемых такими компонентами, как «цитация», «подобие» и «отрицание», можно обнаружить и в сочетаниях прилагательного с именами неодушевленными.

Как видим, сочетания с прилагательным «мнимый» не опровергают принципа композиционности, а показывают накладываемые ограничения-уточнения: а) возможность несоответствия синтаксической и семантической композиций; б) зависимость правил композиции от языкового выражения аргумента и в) неоднозначность результата композиции, вследствие недоопределенности аргумента. При этом следует говорить не об одном фиксированном отношении (функции) между единицами различных синтаксических категорий, а о множественности этих функций, множественности, предопределенной семантической вариативностью исходных единиц-аргументов.

Само реляционное понимание языковых единиц и представление языковой единицы как функции, соотносящей некоторую исходную языковую единицу с позицией обеих единиц, кажется весьма адекватным отражением языковой реальности, формальным выражением содержательного понимания языка как системы отношений. Но при этом следует разграничивать два понятия—«чистое» отношение, взятое безотносительно к его членам, и содержательное отношение, определяемое терминами данного отношения⁸.

Другие возможные уточнения связаны уже не с синтаксисом, а с контекстом. Хорошо известно, что семантика слова в предложении может зависеть от определяемой контекстом семантики предложения. Семантика слова в данном случае определяется не исходным его значением, а контекстно-зависимой функцией от целого к части. Эта ситуация возникает как при определении принимаемого многозначным словом значения, так и при возникновении окказиональных значений.

Но именно эта ситуация может быть представлена так, что явится скорее подтверждением, нежели опровержением принципа композиционности. У нас имеется композиция нескольких единиц и на основании понимания смысла данной композиции мы понимаем смысл входящей в нее единицы. Следовательно, имеет место некоторое правило определения семантики элементарной единицы, то есть некоторая декомпозиционная функция. Обратная к ней функция и явится исковой композиционной функцией.

Рассмотрим, как элементарная единица определяется целым, в частности, приобретает окказиональное, нигде более не встречающееся значение. Имеет смысл рассмотреть предельное проявление данного случая, встав для этого на позиции «крайнего контекстуализма», согласно которому семантика выражения определяется исключительно контекстом. При такой крайней позиции вполне достаточно, чтобы язык состоял бы только из одного выражения, которое значило бы то, что обусловлено конкретным контекстом. Такой «язык» уже описан М. Крессвеллом, назвавшим его «шалтай-балтайным» языком. В нем есть только одно выражение, которое в зависимости от контекста значит то, что говорящий имеет в виду⁹.

⁸ Это разграничение последовательно проводится в «универсальной лингвистической модели» Г. Б. Джаукяна. См. его кн. «Общее и армянское языкознание». Ереван, 1978.

⁹ M. Cresswell. The word is everything that is the case.—In: The possible and the actual. Ithaca. L., 1979, p. 129—145.

Семантика данного языкового выражения никак не фиксируется, полностью определяясь контекстом. Она лишь связывает две пропозиции («то, что имеет место в момент произнесения р»—«то, что имеет в виду говорящий»), но, строго говоря, ничего не обозначает. Говорящий должен что-то сказать, издав определенный звук, чтобы связать две сущности; слушающему предлагается «вычислить», что мог бы сказать говорящий в таких-то определенных обстоятельствах. Если же принять принятую в теории речевых актов конвенцию о том, что говорящий высказывает то, что считает истинным, то в таком простейшем «языке» высказывание «р», чтобы быть истинным, может значить лишь: «то, что имеет место в момент произнесения Р». Иными словами, семантика «х»—это функция, отображающая контекстную пропозицию в самое себя.

Похожая ситуация описана в знаменитом «Вороне» Э. По. Единственное выражение «языка» Ворона—это «никогда», «никогда». Оно в «контексте диалога означает соответственно: «ты никогда не забудешь ее»; «ты никогда не обретешь покой»; «ты никогда не встретишь ее», «я никогда не оставлю тебя»¹⁰.

Итак, в случае максимальной зависимости выражения от контекста, принцип композиционности оказывается соблюден, правда, в своем обращенном, декомпозиционном виде. Зная значение аргумента, которым в данном случае будет целое (контекст), мы вычисляем значение функции (смысл выражения в данном контексте).

Технически более сложно, но в принципе аналогично описываются часто встречающиеся случаи, когда, скажем, обращенное хозяином к хозяйке высказывание «Который час?» на деле означает обращенное к гостям «Вам пора уходить». Анализ таких случаев дан в ряде работ Дж. Серля и Х. Грайса, указавших на процедуру вычисления конечного значения. Конечно же, это правила не языка, а правила речевого действия. Однако самая общая форма вычисления значений исходных единиц-аргументов относительно значения целого (декомпозиционная функция) и вычисления значения целого на основе вычислимого значения единиц (собственно композиционная функция) оказывается той же, что и для собственно лингвистических вычислений, когда контекстно зависимое значение единицы основывается не на коммуникативной ситуации, а на ее языковом окружении, контексте в узком смысле.

С такими случаями окказионализмов мы часто встречаемся и в обычных текстах, а что касается поэтической семантики, то здесь можно считать устоявшимся то положение, что адекватное семантическое описание должно отразить взаимодействие между языковым значением текстовой единицы и текстовым значением языковой единицы. Что же касается необходимости задания наряду с композиционной также и декомпозиционной функции (или функций), то это, на наш взгляд, отражает такую особенность понимания, как гипотетическое предвосхищение смысла целого при интерпретации его частей¹¹.

Ս. Տ. ՋԱԿՍՆ—*Լեզվի իմաստաբանությունն ու կոմպոզիցիոն սկզբունքը. — Լեզվաբանության մեջ ընդունված է, թե լեզվի իմաստաբանական համակարգում չի գործում ընդհանուր տրամաբանական իմաստաբանության հիմքը հանդիսացող Գ. Ֆրեգեյի հանրահայտ կոմպոզիցիոն սկզբունքը: Սակայն հարցի ավելի ճշգրիտ ուսումնասիրությունից եզրակացվում է, որ լեզվական և ընդհանուր լեզվաբանության միջև նման անհամատեղելիություն գոյություն չունի, թեև կոմպոզիցիոն սկզբունքի լեզվական արտահայտումը բարդացված ու ոչ միանշանակ բնույթ է կրում:*

¹⁰ R. Jakobson. Language in operation.—In: Selected writings, v. 3, Hague, etc. 1981, p. 15.

¹¹ См.: В. З. Демьянков. Основы теории интерпретации и ее приложение в вычислительной лингвистике. М., 1985.